

ДОМ ТАРКОВСКИХ ВЫСТРОЯТ ЗАНОВО

Известия - 2004 -
24 июня - с. 11

Снос дома Тарковских (см. «Известия» от 21.06.04) вызвал новую волну возмущения московским вандализмом. Сносившие должны были понимать, что адрес двух классиков, отца и сына (поэт Арсений Тарковский несколько лет, до ухода из семьи, был хозяином квартиры), адрес, по которому бывали многие здравствующие мэтры культуры, адрес, уже вошедший в мемуары (например, «Осколки зеркала» Марины Тарковской), станет новой площадкой разговора о неустройствах московского культурного хозяйства.

РУСТАМ РАХМАТУЛЛИН

Бездарность управления этим хозяйством вообще и историческими памятниками в особенности налицо. Можно ли было, готовя снос втихую и сделав это на фоне Московского международного кинофестиваля, не ждать общественного резонанса?

Вместе с тем понятно, что двенадцать лет стоявший без крыши, перекрытий, дверей и оконных стекол полудеревянный дом (построенный мешанином Гавриловым и крестьянином Елохиным в 70-х годах XIX века) истреблялся все это время каждый день. Так истребляются, методом вымораживания, десятки памятников в Москве и сотни, тысячи — в провинции.

Крышу на рубеже 80–90-х годов снял Кинофонд СССР, тогдашний арендатор дома. Снял, говорят, бережно, складировав стропила: предполагалась реставрация. В этот момент сам Кинофонд попал под перестройку (горбачевскую), и дело остановилось.

Инициативу перенял Музей кино, введенный в право пользования участком в 1995 году. Постановление правительства Москвы предписывало реконструкцию дома № 26 по 1-му Щипковскому (когда-то писали: Щиповскому) переулку для культурно-музейного комплекса с мемориальной квартирой. В комплексе планировались кинозал и студия Юрия Норштейна, как известно, буквально закопанного в фундамент дома одну из своих премий. Музей кино выступал концептуальным разработчиком идеи и заказчиком работ, а инвестором вызвался быть Гутабанк. Инициативное появление этого банка, собственно, и позволило музею просить у города дом Тарковского. Однако условия, выставленные городом инвестору (контракт по принципу 50х50, удваивавший расходы), оттолкнули банкиров, и Музей кино остался на руинах в одиночестве.

Новая смена пользователя спустя шесть лет была закономерна, однако выбор, сделанный правительством Москвы, оказался совершенно случайным. ООО «Коммунальная техника» не знало, что на просьбу о предоставлении офисного помещения получает памятник истории и что условием аренды станет воссоздание мемориальной квартиры Тарковских — двух комнат на первом этаже — для передачи городу. Слушания в городской думе, где депутаты свели нового арендатора с кинообщественностью и членами семьи Тарковских, были попыткой спасти положение. Директор ООО Виктор Городов скорее понравился своим тогдашним соседникам; во всяком случае, они могли войти в его нечаянное положение. Взаимодействие, однако, не сложилось.

Три года Городов по сути вел дело к сносу с воссозданием. Надо ли говорить, что крыша так и не вернулась: по утверждению Виктора Ивановича, даже для такой работы нужна серьезная проектная документация. Уже в 2001 году появились выданные Главным управлением охраны памятников (ГУОП) Москвы предваритель-

ное инженерное заключение о невозможности сохранить здание и акт утрат в процентах: фундамент — 80, сруб второго этажа — 70, перекрытия и перегородки — 100, декор — 95, кирпичные стены первого этажа — 50.

Проект реставрации, заказанный арендатором, стал де-факто проектом воссоздания. Архитекторы во главе с Ириной Изосимовой предложили четыре варианта, чтобы остаться в пределах реставрационного решения. Технологии вывода солей из ослабленной каменной кладки существуют, но дороги. Возобновление второго этажа в дереве отвечало бы международным реставрационным стандартам. Однако заказчик, ссылаясь на требования пожарных и на необходимость замены ленточного фундамента монолитной плитой, предпочел полный снос и хочет получить кирпично-бетонный новодел с воссозданием фасадов. (Упреждая лишние подозрения, надо сказать, что подземное пространство, с гаражами или без, под домом не предполагается.)

Чтобы ввести свои действия в правовое поле, заказчик долго настаивал на новой редакции постановления правительства Москвы. 27 апреля этого года новая редакция за подписью Лужкова была выпущена. От старой она отличается разрешением строительно-монтажных работ капитальных, а не только реставрационных работ. Однако само постановление именно в этом пункте вышло из правового поля: капитальные работы на памятниках культуры запрещены законом.

Разрешения на снос или, как принято теперь писать, «замены материала реставрации» постановление Лужкова не содержит. Такое разрешение дано методсоветом ГУОП Москвы. Методсовет соглашается с разборкой здания на основании технического заключения.

Что дальше? К 1 января новодел должен быть построен. Изображение его фасада, вывешенное на стройплощадке, не может служить материалом для обсуждения — оно весьма условно. Основной для строительных работ остается проект реставрации, выполненный под руководством Ирины Изосимовой: и фасады, и мемориальная квартира спроектированы по подлинным остаткам. Другой вопрос, насколько точно заказчик станет следовать проекту.

Виктор Городов скорее будет рад музею Тарковского в своем офисе. Но не Городов должен заниматься учреждением и заполнением муниципального музея. Это дело городского управления культуры, его взаимодействия с семьей и кинематографической общественностью. Так, Марине Арсеньевне Тарковской пока не очень интересен предлагаемый «формат» музея. Она бы предпочла собранию вещей жилой культурный центр.

Между тем аналогичный «формат» уже работает поблизости, в Большом Строчневском переулке, 24. Это муниципальный музей Есенина в новодельном доме на месте дома поэта, на огражденной территории, принадлежащей некоему инвестору.

МОСКВА

Главный фасад
дома Тарковских
по проекту реставрации

